

И.В. Курукин (Москва)

«ВОИНСКИЕ ПРЕДУГОТОВЛЕНИЯ ЧИНИТЬ»: КАК И ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ВОЙНА С ДАНИЕЙ В 1726 ГОДУ

РЕЗИДЕНТ В ДАНИИ А.П. Бестужев-Рюмин сообщал в Петербург, что по получении известия о смерти Петра I «генерально все здесь о том великую радость восприяли»: не только знатные, но «и все подлые с радости опилися было»¹. Основания для радости у датчан имелись, поскольку отношения между бывшими союзниками испортились. Петр стремился закрепить успехи русского оружия на Балтике: потребовал отмены «зундской пошлины» при прохождении кораблей через принадлежащие Дании проливы и сделал ей прозрачный намек, пригласив к себе голштинского герцога Карла Фридриха, имевшего территориальные претензии к датской короне².

Герцог долго обретался при петербургском дворе без всякой для себя пользы, но в ноябре 1724 г. был наконец-то подписан брачный договор. Карл Фридрих получал в жены дочь Петра Анну, оба отрекались от прав на российскую корону, однако договор имел секретную статью, по которой Петр имел право провозгласить своим наследником ребенка мужского пола от этого брака. Другой секретный артикул договора обещал зятю: если «добрые официи» России перед Данией о возвращении голштинских владений не будут иметь успеха, то император «руки прежде опускать не изволит, пока государю герцогу... за свое от короля дацкого чрез толь многие годы у него предудержанное герцогство Шлезвигское справедливым образом совершенное удовольствие... исходатайствовано, и он впредь в довольную безопасность приведен будет»³. На дипломатическом языке это означало возможность применения недипломатических мер, вплоть до войны с Данией.

Петр после недолгой болезни скончался в ночь на 28 января 1725 г. Вступившая на престол его супруга Екатерина I искренне стремилась помочь Карлу Фридриху вернуть утраченные владения и возвести его и Анну на шведский престол. Так голштинский вопрос на недолгое время превратился из орудия дипломатического давления в цель русской внешней политики. 21 мая 1725 г. состоялась свадьба герцога и цесаревны; Карл Фридрих обрел могущественную тещу-императрицу и надежду на восстановление своего герцогского дома.

Поначалу казалось возможным мирное урегулирование претензий. В апреле 1725 г. начались переговоры с датским посланником в России Гансом Георгом Вестфаленом о компенсации герцогу за аннексированный Шлезвиг. Однако датские предложения (выплата Карлу Фридриху пособия в 100 тысяч эку в год и передача ему во временное, до восшествия на шведский престол, владение герцогством Ольденбургским) были признаны в Петербурге неприличными. Французский посол Жак де Кампредон тогда же докладывал: Екатерина заявила, что защита интересов ее зятя — «это ее кровное дело, дело ее чести и доброго имени»: «Государыня даже вспыхнула несколько, рассердясь на канцлера Головкина, попытавшегося заметить, что вооружение галер причиняет бесполезные расходы», и заявила о готовности двинуть свой флот в море «хотя бы уж для того одного, чтоб за границей не думали, что правление женщины будет непременно слабым; она намерена показать, что ни в чем не уступит самому могущественному монарху»⁴.

Может, государыня гневалась искренне, однако угрозы голштинских министров и самого А.Д. Меншикова «разорить» Данию являлись блефом. Французский посол докладывал в Париж о неготовности русского флота к войне и «штатном» характере военных приготовлений⁵. Перед командованием вышедшей в июле 1725 г. из Кронштадта эскадры была поставлена обычная задача «лабиринт для обучения и движения людей». Рапорты генерал-адмирала Ф.М. Апраксина сообщали о неумении экипажей на маневрах сохранять строй и точно выполнять команды⁶.

Однако к началу следующего года Екатерина, кажется, решилась на конфликт. В январе Кампредон докладывал: Военной коллегии было поручено подготовить двадцатитысячный корпус и обеспечить его провиантом; Адмиралтейству — построить

«к будущей кампании» новые галеры и починить старые, вооружить два «бомбардирские» корабля и шняву «Фаворитка»⁷.

Еще в феврале голштинский вопрос обсуждался на заседании Верховного тайного совета: министры не возражали против решительных действий и предложили государыне «воинские предуготовления чинить», но в то же время указывали на предпочтительность «негоциаций», печальное состояние финансов и возможность вести будущую кампанию только при поддержке Швеции и Австрии, в союзе которыми «датского короля принудить ко удовольствию его королевского высочества (герцога Карла Фридриха. — *И. К.*) не с великим трудом можно будет». В итоге решили «корабельной и галерной флоты здесь вооружить и совсем к весне изготовить»⁸.

Двадцать третьего февраля моряки доложили, что вскоре будут готовы 80 галер, но просили на снаряжение флота 300 тысяч рублей. Министры стали искать деньги, «сколько где есть», но в итоге наскребли только 150 тысяч⁹. В марте начался рекрутский набор, а в столице тогда же состоялось несколько учений гвардии. Кампредон из Петербурга пугал союзников, что русские «с невероятным рвением продолжают свои приготовления» и снаряжают 102 галеры к спуску на воду. Но он все же не был уверен, что русские «решились действительно и решение свое исполнят, если не будет к тому достаточных препятствий»¹⁰.

Российским резидентом в Копенгагене являлся будущий канцлер, а в описываемое время молодой камергер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Он докладывал о «великом омбраже (подозрении. — *И. К.*)» министров датского Тайного совета после прибытия курьера от Кампредона. Дипломат писал, что за ним следят, жаловался, что из-за «малого ранга» его не приглашают на «публичные ассамблеи». Однако времени не терял: получил от своего агента («известного человека») и 6 апреля передал в Петербург список кораблей датского флота и данные о численности войск¹¹. Бестужев хотел отправить в Петербург капитана Петра Грибе, который обещал выявить находящихся в русской службе офицеров-датчан, которые передавали на родину секретные сведения о состоянии вооруженных сил России и даже сделали «тайный рисунок» батарей Кронштадта¹².

В Дании опасались русского десанта. Король Фредерик IV еще в феврале 1726 г. распорядился снарядить 18 линейных кораблей, а в мае отозвал из «иностранных служб» датских морских

офицеров¹³. Вестфален докладывал в Копенгаген о работах на петербургских верфях. В архиве императорского Кабинета сохранился недатированный план войны с Данией, предусматривавший движение русских галер вдоль шведского берега и высадку десантов для взятия крепостей Фредерисии и Хельсингёра¹⁴.

Однако направляемые Бестужеву зимой и весной 1726 г. рескрипты даже не намекают о каком-либо походе против Дании. Предприятие такого масштаба должно было сопровождаться переброской целого корпуса для действий на суше, но ни протоколы о «секретных делах» и «записная книга» поступивших указов Военной коллегии, ни «доношения» самой коллегии за весенние месяцы 1726 г. не содержат сведений о подготовке войск к заморской экспедиции¹⁵. 31 января Адмиралтейств-коллегия получила указ готовить к обычной летней морской «кампании» 26 кораблей, но о какой-либо дальней экспедиции в нем не говорилось, в то время как о доставке грузов и подкрепления Низовому корпусу в Иране и отправке военных кораблей в качестве почтово-пассажирских транспортов в Любек и Данциг моряки получили конкретные указания¹⁶.

Третьего апреля Преображенский полк получил приказ готовить к маршу первый батальон, бомбардирскую и гренадерскую роты с музыкой¹⁷. 16-го числа Екатерина через Меншикова указала «канцлеру господину графу Головкину, также и ему, вице-канцлеру и действительному тайному советнику (Остерману. — *И. К.*), ехать отсюда при ея величестве в поход на Ригу». О сосредоточении русских войск под Ригой сообщил 9 (20) мая Кампредон¹⁸.

Судя по протоколам Верховного тайного совета, в марте–апреле того же года министры решали какие угодно вопросы — но не говорили о проведении сложной военной кампании с операциями на суше и на море. На посвященных внешним делам заседаниях Совета не обсуждались последствия объявленного Екатериной указа о «походе»; не выносились решения о заготовке для флота провианта — мяса и пива¹⁹. Представляется, что «верховники» не собирались на деле воевать, но рассчитывали, что демонстративные военные приготовления и столь же демонстративный «поход» государыни в Ригу сделают датского короля сговорчивее...

Получилось наоборот: датчане в ответ тоже приступили к вооружению; датские моряки на русской службе адмиралы К.И. Крюйс и П.И. Сиверс советовали своему королю

действовать наступательно²⁰. Бряцание оружием вызвало протесты европейских держав — в Стокгольме снаряжение русских галер восприняли как угрозу шведским берегам.

Пятого мая Меншиков от имени императрицы передал морскому начальству приказ Екатерины доставить на галерах в Кронштадт полки «команды» генерала П.П. Ласси. 11 мая Адмиралтейств-коллегия отдала приказ выводить корабли на рейд к 15 мая и «о походе ожидать впредь указа», а также доставить 10 пушек на царскую яхту в Риге. Но уже 14 мая Адмиралтейство получило известие, что «английские корабли вошли в Балтику с немалою эскадрой»²¹.

Шестнадцатого мая Верховный тайный совет ознакомился с запоздавшей реляцией от 26 апреля, в которой Бестужев-Рюмин извещал о прибытии английской эскадры в Копенгаген. В тот же день Меншиков и секретарь Совета Василий Степанов «словесно» доложили об этом государыне. Пришлось срочно менять планы: вместо царского «похода» в Ригу готовить к обороне Ревель и Петербург и даже допускать возможность уничтожения своих военных кораблей в ревельском порту, чтобы они не достались неприятелю²² — ведь 28 мая рядом с городом, у острова Нарген, встал английский флот адмирала Чарльза Уэйджера из двадцати трех вымпелов; позднее к ним присоединились восемь датских линейных кораблей и два фрегата. Отправившийся в Кронштадт генерал-адмирал Апраксин доложил царице, что «батареи и крепость в великой неисправности, а именно: батареи пушками не удовлетворены, и во многих местах есть еще не готово», и стал срочно их «исправлять и потребным снабдевать»; в море вышли три корабля — сторожить приход вражеского флота и подать об этом сигнал²³.

Тридцатого мая офицер с подошедшего английского фрегата передал Апраксину письмо английского короля, адресованное императрице Екатерине: Георг I высказал «сестре» недоумение по поводу военных приготовлений России, сожалел, что она не пожелала заключить союз с Англией и Францией, и сообщал, что его эскадра будет препятствовать выходу в море российского флота ради «предостережения тех опасностей, которые от такого чрезвычайного вооружения происходить могут» для союзников Британии и «всенародной тишины на Севере». Верховный тайный совет подготовил ответ, одобренный Екатериной на заседании 10 июня. В нем, в свою очередь,

выражалось удивление, что британское правительство сначала послало флот к российским берегам и только потом стало обсуждать вопрос; союз же, пояснялось, не состоялся из-за его «кондиций», невыгодных России. В заключение от имени императрицы объявлялось: «Ежели б мы только когда повелим флоту нашему в море идти, то тогда через сие вашего королевского величества запрещение от того себя воздержат не допустим. И как мало мы себя сами возвысит и другому законы предписывать хотим, так мало и мы, яко самодержавная и абсолютная государыня, которая ни от кого, кроме единого Бога зависит, оныя от иного кого принять вознамерены»²⁴.

Достоинство было сохранено, однако теперь даже военную демонстрацию на море проводить не имело смысла. Пришлось ограничиться приведением в порядок укреплений Кронштадта и Ревеля. На официальный запрос датского посланника Вестфалена о причинах этих мероприятий пришлось дать обтекаемый ответ о необходимости «содержать флот в добром состоянии для безопасности государства» и посетовать на появление по непонятной причине у русских берегов датской и английской эскадр. «Приватной грамотой» от 7 июля Екатерина любезно поздравила «брата»-короля Фредерика IV с появлением на свет «младого наследного принца»²⁵, а взамен несостоявшегося похода устроила в августе для двора и дипломатического корпуса «увеселительное путешествие» в Кронштадт и Петергоф с торжественным обедом для флотских офицеров, осмотром крепости с суши и с моря, пиром на корабле «великого адмирала».

Английский адмирал отослал ответ императрицы своему королю, но его корабли оставались у Ревеля до конца сентября. Из Стокгольма приходили неутешительные известия. Шведский посол в Петербурге Цедергельм советовал герцогу Карлу Фридриху отложить поход до будущего года. В июле последовал отказ шведского короля Фредерика I поддержать Екатерину, несмотря на обязательства всеми средствами способствовать герцогу голштинскому в возвращении захваченного Данией Шлезвига согласно Стокгольмскому союзному договору с Россией 1724 г.

В результате этой авантюры внешнеполитическая ситуация для России ухудшилась: в 1726 г. Голландия, а в 1727-м Швеция и Дания официально примкнули к враждебному ей Ганноверскому союзу. Чрезвычайное посольство в Стокгольм князя В.Л. Долгорукова, даже имея огромную сумму

в 100 тысяч рублей на подкуп шведских «чинов», ничего не смогло изменить.

Герцог, и ранее не пользовавшийся авторитетом при дворе, теперь и подавно не мог рассчитывать на поддержку российских вельмож. Члены Совета П.А. Толстой и Г.И. Головкин и ранее выражали датскому послу Вестфалену озабоченность развитием конфликта и просили «предложить что-либо» для его урегулирования. Против обострения ситуации высказывались дипломат В.Л. Долгоруков и его родственник генерал В.В. Долгоруков²⁶. Меншиков поначалу не возражал против планов отобрать у Дании Шлезвиг и заявлял о готовности отправиться в поход во главе пятидесятитысячной армии. Однако уже в марте 1726 г. Кампредон отмечал ссоры князя и герцога. Когда же эта авантюра серьезно повредила престижу России, Меншиков выступил против дальнейшей поддержки голштинцев²⁷. В разговоре с адмиралом Сиверсом в сентябре 1726 г. он признался: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться с нашими старыми приятелями англичанами и датчанами из-за принца, которого интересы не имеют ничего общего с нашими интересами, мы постараемся во всяком случае пристроить его в Швецию; пусть он останется там и оставит нас в покое»²⁸.

¹ См.: Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 2. Л. 80.

² См.: Никифоров Л.А. Основные задачи внешней политики России после Ништадтского мира // Международные отношения и внешняя политика России: история и современность. М., 1977. С. 203.

³ Цит. по: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. В 15 т. / Сост. Ф.Ф. Мартенс. СПб., 1880. Т. 5. С. 231–232. Подлинник см.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Дополнение. № 7.

⁴ Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона за 1725 г. // Сборник РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 164, 165.

⁵ См.: Там же. С. 72, 176, 326, 334, 335.

⁶ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 6. Л. 12 об., 13; Материалы для истории русского флота. В 17 т. Т. 5. СПб., 1875. С. 34, 37, 44, 46.

⁷ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 21. Л. 6–6 об.; Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 192, 194, 195.

⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 55. С. 20, 21, 23.

⁹ См.: Там же. С. 60, 65.

¹⁰ См.: Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. // Сборник РИО. Т. 64. СПб., 1888. С. 278, 279, 304.

- ¹¹ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 5. Л. 88–88 об., 133–136. Этот «известный человек» состоял на жалование в 700 рублей в год и уже продемонстрировал свою порядочность — вернул полученные 50 червонцев, когда не смог добыть обещанный Бестужеву текст договора о вступлении Дании во враждебный России Ганноверский союз (см.: Там же. Л. 331, 385).
- ¹² См.: Там же. Л. 60. Петер Грипп уже служил в русском флоте капитаном 1 ранга, за злоупотребления был сослан в Казань и в 1723 г. уволен (см.: Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 118).
- ¹³ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1725 г. № 5. Л. 100 об., 208.
- ¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. № 85. Л. 570–578.
- ¹⁵ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. № 27. Л. 1–33; № 1; Л. 1–53; № 82. Л. 1–36.
- ¹⁶ См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 293, 296, 308, 309, 316.
- ¹⁷ См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 115. Л. 38 об.
- ¹⁸ См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 55. С. 207; Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. С. 360.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 215, 216, 221–223, 227–230, 245, 246, 261–267, 272–277; Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 330.
- ²⁰ См.: Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М, 1976. С. 49.
- ²¹ См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 320–322, 327.
- ²² См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 55. С. 288–291.
- ²³ См.: Материалы для истории русского флота. Т. 5. С. 207, 208.
- ²⁴ См.: Там же. С. 199–202, 221–224.
- ²⁵ См.: АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1726 г. № 2. Л. 1.
- ²⁶ См.: Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, и агента Маньяна, за 1725 и 1727 гг. С. 201; Брикнер А.Г. Россия и Дания при императрице Екатерине I // Русская мысль. 1895. № 2. С. 48.
- ²⁷ См.: Брикнер А.Г. Указ. соч. // Русская мысль. 1895. № 3. С. 51; Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 50, 56.
- ²⁸ Цит. по: Брикнер А.Г. Указ. соч. // Русская мысль. 1895. № 7. С. 109.